

Мария Ануфриева

Золотой получас

рассказ

— Приветствуем участников тринадцатого международного симпозиума «Медицина катастроф» в Ульяновске! — бодро завывал женский голос в громкоговорителе.

Слова как шарики отскакивали от серых каменных стен Ленинского мемориала и эхом влетали в раскрытое окно тринадцатого этажа гостиницы напротив: «ем...ов...мед...кофф...офф».

«Ем-ов» — пульсировала кровь в голове Огюста Самуиловича Наливайко в начале громогласного приветствия, адресованного и ему. Он сосредоточился, чтобы не думать о пленарном заседании, которое должно было начаться через полчаса.

«Офф», — разорвалась дробь эха в паху Наливайко, он выдохнул и уткнулся в женское плечо. Но плечо выскользнуло из-под Огюста Самуиловича, сразу утратив свою кукольную безропотность, и независимо вздернулось, когда его рыжеволосая хозяйка прошествовала в ванную.

Наливайко вскочил с живостью, которую сложно было ожидать от такого грузного мужчины, и, опершись руками о подоконник, свесил голову вниз. Возле входа в гостиницу толпилась московская делегация: лысина директора института в обрамлении буйных шевелюр трех его замов и аккуратного ежика заместителя главврача по медицинскому снабжению, без которого не обходилась ни одна научная конференция. На этот раз кто-то из неизбалованной поездками научной общественности их института на общем собрании задиристо предположил с места, что к медицине катастроф снабжение имеет не самое прямое отношение, но на него тут же шикнули: без снабжения как раз и наступит катастрофа, это каждому ясно!

Все в сборе, не хватало только его — специалиста по организации здравоохранения Наливайко. Айн момент! Он все делал быстро по привычке, оставшейся с канувших в Лету операционных времен. Как и обычному врачу, ему приходилось держать руку на пульсе — но не больного, а всего здравоохранения. Только обычный врач имеет дело с неприкрашенной реальностью: нет пульса — помер большой.

Об авторе | Мария Ануфриева родилась в 1977 году в г. Петрозаводске. Окончила факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Стипендиат Правительства РФ за «выдающиеся успехи в обучении». С 2002 по 2007 год работала старшим преподавателем кафедры теории журналистики СПбГУ. Более пятнадцати лет работает в сфере рекламы по направлениям: связи с общественностью, бренд-менеджмент, копирайтинг.

Рассказы публиковались в журналах «Дружба народов», «Кольцо А» и «Пролог». Роман «Медведь» вышел в издательстве «Время», 2012. Роман «Карниз», опубликованный в журнале «Дружба народов», № 3, 2014, вошел в лонг-лист премии «Русский Букер».

А ему приходилось во стократ тяжелее: его больной уже давно хрипел и дергался в конвульсиях, пульс его был мерцающим, а то и вовсе грозил исчезнуть. Но больной был даже не персоной государственной важности. Хуже! Он был приоритетным национальным направлением. На то, чтобы привести его в чувства, ежегодно посылались миллионы рублей. Но миллионы эти не шли ему впрок. Прокапают его, причешут, подмоют, о высокие подушки обопрут — изволь соответствовать бодрой поступи страны в светлое будущее инноваций. Так нет же, глядишь, уж опять на бок завалился и под себя нагадил.

Одно успокаивало Огюста Самуиловича: персональной ответственности за умирающего он не нес. Как не нес ее и в операционные времена, все-таки работа в команде и корпоративная солидарность — великое дело. Чего только не было за двадцать пять лет работы в медицине: и тучи административных взысканий сгущались над головой молодого врача Наливайко, и громыхали раскаты грома из городского комитета здравоохранения после клеветнической кляузы очередного недовольного лечением пациента, и мелькала молния в глазах бесменного, как Кощей Бессмертный, главврача. Все вынес, все выдюжил Наливайко и заслуженно взошел на медицинский Олимп.

Иногда ему казалось, что он, Наливайко, подобно Атланту держит это самое чертово здравоохранение на своих окаменевших плечах, но ноги его при этом марионеточно дергаются и заплетаются, выписывая кренделя в танце на мотив легкомысленного французского шансона «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хо-ро-шо!». Потому как если заикнуться о том, что национально приоритетный больной скорее мертв, чем жив, двадцать пять лет тернистого пути в медицине натурально псу под хвост.

Ремень на брюках — потуже, чтобы казаться стройнее. Узел галстука — послабже, чтобы казаться демократичнее. Айн момент, коллеги! Алине или Кристине, он не запомнил, две с половиной тысячи — на тумбочку. Цены в провинции всегда радовали Огюста Самуиловича, хотя московского тарифа на интересующие его услуги он не знал. Дома он был искренним семьянином.

Вспомнив супругу Зинаиду Ивановну, Наливайко сдержанно вздохнул и положил на тумбочку еще пятьсот рублей, но потом подумал и запихал обратно в кошелек, на миг сладострастно зажмурился и внутренним зрением вместо Огюста Самуиловича в костюме с худившей его «мелкой полоской» увидел Огюста Самуиловича без костюма в полоску. Тот, второй Огюст, в молочно-белом костюме Адама, разгоня застоявшуюся кровь, энергично двигал местом, уставшим от сидения в кабинете, и украдкой любовался своим отражением в зеркале. Вот он налегает, спина рыжеволосой выгибается. Да-да-да-да... Зеркало показывало Огюста Самуиловича на длинноногом тренажере с роскошной рыжей гривой и говорило, что он еще очень даже ничего. И даже призрак Зинаиды Ивановны, который терпеливо преследовал его в командировках и заставлял боязливо ежиться и оглядываться, незаинтересованно кивая скучающим девицам в холле гостиниц, отступил, словно вынужденный признать правоту зеркала.

Огюст Самуилович открыл глаза, решительно потряхнул головой и вновь положил смятую пятисотку на тумбочку. Рыжеволосая тоже оказалась быстрой: маленькое платье словно само слетело со стула и застегнулось на ней в мгновение ока. Время — деньги. Международный симпозиум «Медицина катастроф» будет идти всего три дня, за которые надо успеть отработать ежемесячный взнос за право сидеть со скучающим видом в холле.

— Спасибо, Олег, — потрепала рыжеволосая по плечу Наливайко. Он хотел спросить: «Какой я тебе Олег?», но спохватился, что сам так представился. Не будешь же каждой гостиничной девке объяснять, что мама, работавшая на кафедре романской филологии, попугала научный интерес с личной жизнью, назвав сына Огюстом, а дочку Жюстиной. И если сестра уравнивила игривое имя

профессией и до сих пор изображала Незнайку и Буратино на детских утренниках, то он-то стал серьезным человеком.

Огюст даже привык к мучениям с именем. Правда, в школе его не дразнили, но не от доброго отношения, а по скудоумию: одноклассники, как ни искали, не могли найти подходящих соответствий. А вот подчиненные в больнице сообразили быстро и за глаза прозвали его Бюстом, подчеркивая этим прозвищем не только грузность, но и особую значительность, которой Огюст Самуилович не лишен был и в молодые годы.

Со временем бюст его укрупнился, вслед за ним подросла и должность. Прозвище, о котором он, конечно, знал, осталось, но уже перестало быть обидным, а в последнее время он и впрямь чувствовал себя бюстом. Особенно когда дремал на многочисленных заседаниях, коллегиях и конференциях.

Дрема с открытыми глазами была его собственным изобретением. Когда из регламента следовало, что выступление д.м.н. О.С. Наливайко не скоро, он погружался в оцепенение, подобно мухе, впадающей в зимнюю спячку накануне холодов, но готов был встрепенуться при малейшей необходимости высказаться.

От филологини-мамы он унаследовал способность чутко улавливать ухом малейшие изменения в интонации, даже если речь лилась неразборчиво заморская. В своей конспиративной дреме Огюст Самуилович плыл по ровным волнам звуков, голосов, но как только их амплитуда начинала слишком бодро взлетать вверх или, напротив, падать вниз, переходя в угрожающее молчание, он незримо возвращался в зал заседаний и обводил всех присутствующих строгим взглядом.

У него даже была заготовлена спасительная фраза на случай немедленного включения в разговор:

— Инновационный подход не позволяет нам мыслить старыми стандартами.

Он даже несколько раз ею воспользовался, не без удовольствия отмечая эффект ступора, вызываемый у коллег. Даже самые бойкие и говорливые отводили глаза, пытаясь молниеносно сообразить, на что намекает Бюст.

Вариантов было несколько: курс на модернизацию, вновь утвержденные стандарты оказания экстренной медицинской помощи или новая прорывная научная статья директора их института, составленная как письмо из Простоквашино — четырьмя кандидатами наук и вездесущим заместителем главврача по медицинскому снабжению, не писавшему ничего, кроме служебных записок, но однажды разразившемуся блестящими тезисами.

Кафедра, на которой уже десять лет числился снабженец — полставки лишними не будут — на одиннадцатый год отличилась, на одном из заседаний по ошибке постановив и ему явить миру отчет о НИР. Казалось бы, ошиблись и ладно, но о ту пору пришла в институт проверка из профильного комитета и давай, как цыплят по осени, пересчитывать научные достижения получающих государев оклад сотрудников, а их там восемь человек мертвых душ.

Семь из них окончательно омертвели, а восьмая воскресла. В современной медицине есть место чудесам! Помогла ей не живая вода, а шампанское, закупленное к 8 Марта на предмет выразить солидарность женской части медицинской общественности. Посулив молодому аспиранту два ящика советского полусладкого, медицинский снабженец не подвел приютившую его кафедру.

В минувшие полгода больше десятка родственников проверяющих были обследованы со всеми полагающимися им почестями, а научные достижения снабженца легли в основу очередного «инновационного подхода», который суть главная тайна нашего бытия. Все знают, что он есть, но никто не знает, что это такое.

«А может, Бюст имел в виду меня конкретно?» — думал каждый и, боясь быть уличенным в постыдном непонимании шагающих по стране инноваций,

согласно мычал, почесывая подбородок. Ведь и впрямь прав Бюст: инновационный подход не позволяет мыслить старыми стандартами.

Оглянувшись, нет ли кого в длинном гостиничном коридоре, Огюст Самуилович звонко хлопнул рыжеволосую по упругой заднице, игриво взмахнул рукой — мол, обжегся — и поспешил к лифту.

— Задерживаетесь, Огюст Самуилович, — дружески пожурил его уже успевший раскраснеться снабженец. Ему не выступать, отметил начало командировки еще в самолете.

Наливайко широко развел руками и кротко улыбнулся:

— Перечитывал доклад к пленарному!

— Приветствуем участников... — опять завыл громкоговоритель.

В полном составе делегация двинулась в Мемориал, равняя шаг на директора института, в портфеле которого подпрыгивала распечатанная статья об инновационном подходе к медицине катастроф.

На открытии все было как обычно, Огюст Самуилович немного вздремнул, ощущая приятное успокоение в чреслах. Речь выступавших лилась плавно, приятно, убедительно. Если бы национально приоритетный больной знал, сколько слов сказано в его честь, сколько средств ему обещано, он бы непременно усовершенствовался и очухался.

Во время выступления директора института американские делегаты оживились. Некоторые даже вынимали наушники, чтобы расслышать терминологию докладчика в оригинале. Аспирант очень старался и досконально изучил первоисточники, но его торопили и до сносок дело не дошло.

Когда пришел черед Огюста Самуиловича, он с толком и расстановкой рассказал о концепции золотого часа и ее роли в медицине катастроф. Медовой патокой лились и таяли на устах Огюста Самуиловича давно заученные слова: инновации, приоритетный проект, ответственность за здоровье нации, Министерство чрезвычайных ситуаций гарантирует нам экстренное спасение, концепция золотого часа — доставить пострадавших в больницу за шестьдесят минут, регламент, стандарты оказания медицинской помощи, снижение смертности, утвердили и разработали, спасибо, коллеги.

Потом выступал специалист по спасению на водах. Он что-то нудно рассказывал о плавсредствах и вертолетах. Бабы вокруг были сплошь неинтересные, носили строгие костюмы и общее выражение лица, неуловимо напоминавшее супругу Зинаиду Ивановну. Огюст Самуилович удобно откинулся на спинку стула и замер, отмечая сквозь свою зоркую дрему как «утопленник», как он окрестил про себя выступающего, по-рыбьи беззвучно открывает рот. Волевым усилием д.м.н. Наливайко умел глушить посторонние звуки.

Но потом дрема истончилась, Огюст Самуилович заметил на пустующем месте забытую газету «Волжские просторы». Дотянулся до нее, вложил в папку с докладом и окинул рассеянным взглядом тихую водную гладь провинциальной жизни.

На «Волжских просторах» стояла мертвая зыбь, но седьмая полоса была впролота сообщением: «Похищение невесты на катере — новинка для продвинутой ульяновской свадьбы. Вы только представьте! Выписывая невероятные кульбиты, катер нарезает круги вокруг теплохода, где поет и гуляет свадьба. Жених выскакивает на палубу и видит крутящийся вокруг катер с визжащей невестой. После переговоров пираты сдаются и передают невесту в руки жениха, розовую и довольную. Во время осуществления маневров по швартовке катера помощь оказывает матрос теплохода, во избежание вмешательства разгоряченных гостей. При необходимости невесту накрывают пледом, во избежание повреждения прически и остальных легкоранимых аксессуаров. Хотите сделать свою свадьбу незабываемой? Звоните нам прямо сейчас!».

— Чушь собачья, — сказал про себя Наливайко и прикрыл глаза.

Оживился он лишь во время кофе-брейка, когда снабженец уверенно, словно всегда тут работал, отвел институтскую делегацию в гримерку на втором этаже, и жестом фокусника распахнул кожаный портфель со словами:

— Наливайко, наливай-ка!

Это была его коронная фраза и, признаться, Огюст Самуилович ее ждал, когда недовольно поглядывал на часы и модератора пленарного заседания: катастрофы катастрофами, но пора и честь знать!

— За медицину катастроф! — с чувством произнес директор института.

— За катастрофы! — поддержал заместитель по научно-исследовательской работе, всегда умевший ввернуть что-нибудь этакое. — Да-да, коллеги! Не будет катастроф, не будет и этой отрасли медицины, хорошо субсидируемой.

Вторая часть заседания пошла веселее, докладчики из провинции шутили, пытаясь снискать благосклонность столичных коллег. А Огюст Самуилович углядел, наконец, подходящую бабу в четвертом ряду у прохода — блондинку с туго забранными в пучок волосами, и теперь мысленно пытался переодеть ее из темно-синего костюма в кружевное белье с прорезями в удобных местах.

Кружева, а особенно игривые прорези на лифчике и трусиках были ей явно к лицу, не мешало бы еще немного растрепать волосы. А лучше много: вытащить смелым жестом шпильку из пучка и взять ее в зубы, как индеец нож. Блондинка заверещит, даром что реаниматолог, как он успел уловить краем уха в кулуарах, то есть человек вроде выдержанный. Ну, так она с недвижимыми телами дело привыкла иметь, а тут мужчина в самом — кхе, зеркало не соврало — расцвете, да еще и вооруженный до зубов...

* * *

Телефон разрывался с самого утра. Семен Кобылятников метался по офису агентства организации праздников «Ульяновский сюрприз», перепархивая с одного пустующего рабочего места на другое.

Семен был тамадой, диджеем, эвент-менеджером, директором ИП имени себя самого и вечным аспирантом биологического факультета местного университета. Он принимал заказы на проведение праздников, а предметом его научного интереса числился исчезающий в Поволжье вид пернатых — стрепеты — отряд журавлеобразных, подкласс новонебных.

Диссертацию Семен писал уже десять лет, с каждым годом все слабее ощущая связь с кафедрой и все сильнее — с ускользящими от научных дефиниций и планов по НИР стрепетами. Связь эта стала почти зримой: при появлении в зоне видимости потенциального заказчика он замирал и, вытянув тощую шею, пытался определить серьезность намерений, при неизбежных в его непредсказуемой работе «косяках» втягивал шею и пытался слиться с окружающей средой, а иногда и бежал, перепрыгивая через кочки вздыбившегося асфальта ульяновских улиц.

Русский праздник, как и русский бунт, часто бывает бессмысленным и беспощадным. А уж если у гостей, вступив в химическую реакцию с сорокаградусной жидкостью, закипает татарская кровь... С трепетом Семен мчался по знакомым с детства переулкам, представляя, что он убегающий от охотников стрепет. Но только стрепет, взявший предоплату, согласно договору.

«Принимая во внимание разрушенную структуру ареала стрепета, дисперсность вида, необходима немедленная программа по формированию маточных стад стрепета в искусственных условиях и последующая реинтродукция», — напечатал Семен на компьютере.

Снова заверещал телефон.

— Можем! — захвохал Семен в трубку. — Свадьба на теплоходе — наше основное направление. Что? Свадьба готова, про похищение забыли? Похищение невесты на катере — наша главная работа!

Этот немудреный приемчик отлично работал на практике. Как поисковые роботы сложносочиненного Яндекса, Семен подставлял ключевые слова запроса собеседника в свой ответ: проведение свадеб — наша главная работа. Конная прогулка, корпоративные прыжки с парашютом, Новый год на страусиной ферме — наша главная работа. Все, что придет вам в голову, — наша главная работа. Если что, Семен умеет быстро бегать.

Не успел он вернуться к научным прогнозам относительно дальнейшей судьбы стрепетов в Поволжском федеральном округе, как телефон вновь ожил.

— Вот так всегда! — Семен представил перед собой хмурого заведующего кафедрой и театрально развел руками. — Не дадут сосредоточиться! И так десять лет, какая тут диссертация...

— Семен, — внушительно сказала трубка прокуренным голосом замглавы комитета по культуре городской администрации. — У нас в городе проходит международный симпозиум «Медицина катастроф». У них там программа культурная сорвалась. В драмтеатре протечка, батарею прорвало, прямо над сценой. Не в кукольный же их вести... Надо срочно что-то придумать. Ты по Волге, вроде, катаешь?

— Организация катаний по Волге — наша главная работа, — отрапортовал Семен.

— Вот и отлично. В Ундоры можно, водички пусть минеральной попьют, на водохранилище завернут. Только, Семен, бюджет уже освоен. Накладок никто не ждал. Короче, ты катаешь, а мы тебе два банкета в следующем месяце подгоним, на них отобьешь. Выручай, Семен!

Кобылятников угукнул басовитому женскому голосу, брякнул трубкой и расправил крылья.

* * *

Вечером был дружеский ужин делегатов симпозиума. Огюст Самуилович как можно дружественнее поглядывал на реаниматологиню, про себя уже окрестив ее на фривольный французский манер «белокурой Жази». Матушкины корни, гены пальцем не сотрешь... Но та не замечала его и болтала с долговязым хлыщом, главврачом своей же больницы, как установил краем глаза Огюст Самуилович по бейджам. Когда стало окончательно ясно, что Жази приехала со своим самоваром, а скорее всего, еще и позаимствованным — на смуглой коже главврача так отчетливо белел след от обручального кольца, что каждому было ясно, что припрятал он его аккуратно накануне научной командировки, Огюст Самуилович расстроился, надрался и не очень сопротивлялся, когда директор института хлопнул его по плечу и провозгласил, обращаясь к американским делегатам через переводчика:

— У кого золотой час, а у кого и полчаса!

«У кого?» — подняли брови делегаты в немом вопросе. От этого русского можно было ждать чего угодно: вчера он озвучил идеи, недавно высказанные в «Journal of the American Medical Association» и еще десятке менее популярных изданий.

— У Дэмэна Наливайко! Огюст наш Самуилович еще удивит мир, — погрозил пальцем директор западной стене банкетного зала Мемориала. — Концепция золотого получаса — вот ответ нашего института вызову современного... эээ... мира... эээ... угроз... эээ... — мысль директора утонула в «Курвуазье», плескавшемся в бокале.

— Инноваций, — шепнул медицинский снабженец. После блистательных аспирантских тезисов ему позволялось быть суфлером.

— Вызову современных инноваций, — согласился директор, наделил многозначительным мутным взглядом переводчика и осушил бокал.

Весь остаток вечера к Наливайко подходили коллеги и интересовались подробностями новой стратегии. Это в Америках пострадавших доставляют в больницы в течение часа, а у нас будут за полчаса! Огюст Самуилович принимал поздравления в связи с «золотым получасом» и все чаще поднимал бокал, чтобы избежать расспросов, на которые совершенно не знал, что ответить.

К своему номеру он шел как по палубе корабля, широко расставляя ноги и припадая к стенам. Где-то песней надрывалась баба: «Катастрофически тебяя не хватает мне!». Он не помнил, что делает в этом коридоре с затертой ковровой дорожкой, но баба как Ариадна словно бросала ему волшебный клубок, за которым он следовал мыслью — катастрофически!

Огюст Самуилович погрозил невидимой голосистой бабе пальцем: знаем-знаем, нас не проведешь, он как-то связан с этим словом... Ка-та-стро-фи-чес-ки!

Потом он повстречался со своей кроватью и увидел в ней Зинаиду Ивановну. Та лежала, гостеприимно раскинув белые бедра в мелкий синий цветочек, очень похожий на гостиничное белье, и, по всему видать, давно его ждала.

Огюст Самуилович вежливо поздоровался, зачем-то поклонился по старому русскому обычаю и уже протянул руки, чтобы обнять супругу после досадно краткой разлуки, но повалился на пол у кровати и захрапел. Одеяло в цветочек, которое он успел ухватить, накрыло его с головой и своими душными объятиями действительно могло бы напомнить Зинаиду Ивановну, если бы д.м.н. Наливайко хоть что-нибудь чувствовал.

* * *

Два дня Семен бегал как угорелый, перелетал с кочки на кочку присутственных мест, где отсутствовали необходимые люди, как это часто бывает в часы приема. Катер для похищения невесты нашелся быстро. Теплоход для врачей даже искать не пришлось. Он стоял у пристани, рабочие старательно замазывали старое название «Николай Гоголь» и матерились.

Какое отношение «ревизор российской действительности» имел к двухпалубному речному теплоходу из Ульяновска, сказать сложно. В Симбирской губернии он гостил всего раз, да и то в имении друга, в селе Чириково. Этого Семен, конечно, не знал. Но зато, наладив коммуникацию с рабочим классом с помощью не менее витиеватого матерка — сливаться с окружающей средой Семен умел как никто другой, он быстро узнал, что судно недавно сменило хозяина.

Прежний, депутат Чичиковский, был уличен в том, что выбран сорока процентами мертвых душ избирателей, это потянуло цепочку разбирательств и классически неожиданных финансовых открытий. Он тихонько «слился» из города и теперь распродал ненужное ему на Кипре ульяновское имущество через доверенных лиц.

Новый хозяин оказался человеком «государственным» в прямом и переносном смысле. После недолгих раздумий он решил назвать доставшееся, разумеется, не ему, а маме-пенсионерке судно «Путевой».

В голове у государственного человека юлой крутилось семантическое ядро: путь, путем, путёвый теплоход и «сами знаете что». Конечно, немного боязно так борзеть. Но есть же водка и икра с правильными названиями...

На причале уже лежал трафарет, по которому следовало вывести гордое название. Но краска, списанная из строящейся неподалеку школы, была жидко-

вата, «ревизор российской действительности» проступал сквозь три слоя, что очень огорчало рабочих.

— Николай — семь букв. Путевой — тоже семь букв. А Гоголя мы куда денем?

— А вы шире буквы расставьте, — предложил Семен. — Слово в слово не выйдет, хотя вот «и»-краткая удачно совпадет. Положите еще один слой краски и сделайте промежутки между буквами больше.

Узнав имя нового хозяина, Семен просиял. На его юбилее в следующем месяце ему и было обещано «отбить» затратную часть катания залетных врачей по Волге, раз уж бюджет на их досуг уже давно был освоен.

Сложнее оказалось с кадрами. Двух пиратов для похищения невесты Семен нашел в ТЮЗе. Но кто будет управлять катером? Размещая рекламу в «Волжских просторах» по бартеру — оформление воздушными шарами скромного входа в редакцию, он не успел подумать о таких тонкостях.

Владелец катера сдал его Семену в аренду на три часа, но за штурвал сесть отказался: «Я тебе не речной таксист».

— А кто тут катером управлять может, не знаете? — крикнул Семен.

— Ну, предположим, я, — свесилась с борта голова в шерстяной шапочке набекрень.

— Два часа работы. Завтра. Сколько?

— Полторы копейки в час. Три копейки!

— Чё так дорого, — присвистнул Семен. — Давай две копейки, два часа всего!

— Две мало!

— Две с половиной, — сдался Семен и с досадой подумал: «Какой идиот придумал называть тысячи копейками?»

Поздно вечером он забежал к бывшей жене и дочке. Жена работала оператором в компании сотовой связи сменами, часто в ночь, но сейчас была дома.

Брак Семена был недолгим, а оставшиеся на его обломках отношения похожи на диссертацию: целого не сложилось, но сделанное не отпускает.

Семен посидел на кухне, повздыхал, попросил третьеклашку «быть умницей» и долго хвалил ее гербарий, надеясь, что его не озадачат, как в прошлый раз, решать задачу по математике.

В глазах жены стоял немой вопрос. И даже рыжие кудряшки, казалось, завивались вопросительными знаками.

— В следующем месяце точно! — пообещал Семен. — В этом у меня мероприятие, с обременением. За мой счет! А в октябре — все отобью и отдам тебе за три прошедших.

— Ты это ребенку скажи, — шепотом посоветовала жена. — В глаза погляди и скажи: в этом месяце ты, деточка, не кушай, как и в прошлом. Зато в следующем отъешься за три!

— Но я же стараюсь! — зашептал в ответ Семен и попытался обнять жену, как раньше. — Между прочим, ты тоже работаешь!

— Работаю, — еще тише зашипела жена. — А ты цены в магазинах видел или тебя на банкетах и свадьбах кормят?

Вслед должны были посыпаться обвинения в том, что он украл лучшие годы ее жизни, но в этот раз жена, наверное, устала. Она сходила в прихожую, принесла туфлю на шпильке — с каких это пор она носит такие каблукки — и поставила ее на стол.

Семен не понял маневра, но на всякий случай втянул голову в плечи и оказался прав.

— Полюбуйся! — сказала жена и подвинула ему туфлю.

Семен осторожно взял ее в руки и мысленно приготовился бежать.

— Да ты каблук потрогай! — не отступала жена.

Семен покачал каблук, тот послушно последовал за его рукой.

— И я так хожу! — громким шепотом объяснила жена. — Это во всем, во всем... Ты никогда о нас не думал.

Семен встал, покачал туфлю в руке и спросил:

— Сколько новые стоят?

— Тысячи полторы — две, — ответила жена.

Семен кивнул внезапно возникшей в его голове мысли и сказал:

— Завтра же выходной. Ты все равно дома будешь, к вечеру постараюсь.

Через час на другом конце Ульяновска, прежде чем войти в свою квартиру, он позвонил в дверь живущего под ним, на первом этаже соседа, которого все от мала до велика звали «дядей» в силу неопределенности возраста.

— Дядя Ринат, вы на катерах вроде раньше работали? — спросил Семен, войдя в квартиру.

— И на теплоходах, и на катерах, — усатый дядя Ринат кивнул Семену, приглашая за стол со стоящей посреди бутылью бледно-желтого самогона.

— Работа завтра есть: подъехать к теплоходу со свадьбой, забрать невесту, покатаь кругами, пока жених выкуп не даст, и обратно высадить. Час на воде, час — туда-сюда, пока выедете и приедете. Возьметесь? За тысячу. Больше нет, бюджет не позволяет.

— Да что мне твой бюджет, — дружески хлопнул его по плечу дядя Ринат. — Я по воде соскучился, покатаю и денег не возьму.

— Ну, вы это, не того, — Семен озабоченно упер взгляд в бутыль с «фирменным ринатовским», как звали содержимое в округе. — Не увлекайтесь тогда.

Дядя Ринат развел руками «само собой», закрутил пробку и убрал почти полную бутыль в холодильник. Семен вздохнул с облегчением: гостей у дяди Рината не было, а часы показывали половину первого ночи. Они попрощались до одиннадцати утра. Семен позвонил рабочему с пристани и отказался от услуг «за три копейки».

Ночью он остервенело бил молотком по борту теплохода, требующего починки, до тех пор, пока до него не дошло, что это гигантская туфля со сломанным каблуком. Открытие так потрясло его во сне, что Семен не проснулся, как бывает после легких потрясений, а провалился вниз, на еще один уровень ночного кошмара. В нем уже не было картинок, лишь во мраке завывал голос замглавы комитета по культуре — «отобьешь, бьешь, бьешь», да откуда-то снизу — хотя куда уж ниже, он же и так был в аду — доносились крики, шум и музыка.

* * *

Огюст Самуилович проснулся рано днем. Подивился тому, что лежит в одежде на полу, и похвалил себя за то, что все-таки был не совсем пьян, раз не забыл укрыться одеялом.

Вода в графине была отвратительно теплая. В номере светло и душно. Наливайко открыл окно и взгляделся в дали. Что-то его тревожило, но что, он пока не мог вспомнить.

«Поездка на теплоходе!» — вспомнил Огюст Самуилович и схватил телефон, чтобы узнать время. Так и есть, проспал! Почти три часа дня и два неотвеченных вызова от директора института еще в половину одиннадцатого.

Наливайко махнул рукой и широко зевнул. Где-то вдалеке надрывалась сирена. Он подумал, что если снизить ноту тревоги в этом звуке, то сирену отдельными вкраплениями можно было бы использовать для гимна всей экстренной медицины. Гимн — это очень хорошо, по-государственному. Потом он стал думать, сколько может стоить такой гимн и кто его может написать... Голова была тяжела, но мысли в ней легки и приятны.

Огюст Самуилович представил себя стоящим в конференц-зале института, на сцене. Зал рукоплескал ему, а со стены мудро и немного печально смотрел еще один Огюст Самуилович, стоящий вполоборота.

«Иконостасом» называли молодые сотрудники эту портретную галерею, на которой почившие светила соседствовали с процветавшими, сидевшими тут же, в зале, и не уступавшими румянностью лиц своим изображениям, писанным маслом и темперой.

«Ну и пусть иконостас! — беззлобно, по-отечески обращался сейчас к юному поколению Огюст Самуилович. — Ты поди заслужи тут висеть. Поди попробуй, толкнись в двери социального лифта. Да поработай локтями, чтобы тебя на нижних этажах не выпихнули. Да вознесись, так сказать, лет этак через двадцать—тридцать на этаж верхний, на смотровую площадку. Да окинь оттуда взором жизненный путь. А потом посмотри наверх и увидишь, что всю жизнь поднимал тебя лифт на крышу панельной девятиэтажки, с которой Москва-Сити видна».

Сирена завывала, не успокаивалась и наконец надоела Огюсту Самуиловичу даже в виде воображаемого гимна.

— Да что там они утомониться не могут? — сказал он вслух и высунулся в окно. Внизу ползли редкие черные клопы, которые то и дело останавливались, наверное, крутили головами по сторонам и тоже прислушивались, с какой стороны воеет сирена.

Прислушивался к ней и «утопленник» — специалист по спасению на водах из регионального ведомства. Чуть ранее, поднявшись на палубу теплохода «Путевой», он единственный, по укоренившейся привычке, заглянул во все закоулки и обнаружил несколько спасательных жилетов и одну шлюпку.

«Утопленник» нашел капитана и спросил его, где остальные спасательные средства. Капитан вежливо поинтересовался, ему в рифму ответить или как? «Утопленник» сделал невинные глаза и выбрал «или как».

Не ожидавший такой наглости капитан растаял и по секрету поведал региональному специалисту, что они вообще никуда не должны были плыть. Теплоходу еще бы две недели стоять у причала, ремонтироваться и ждать, пока новый владелец оформит бумаги. Но вчера вечером было приказано срочно собрать команду и выйти на речную прогулку, да не куда-нибудь, а большим кругом, аж до самого Куйбышевского водохранилища с заходом на обратном пути в поселок Ундоры.

— На живописную Приволжскую возвышенность посмотреть, так ее и растак! Я людей с утра из постели выдергивал, а ты говоришь — жилеты, — махнул рукой капитан. — Но учти, я тебе как мужик мужику рассказал, по-свойски. Если проболтаешься, я на улице сразу окажусь, а мне два года до пенсии. Вот доплаваю и не увижу больше этого бардака.

Региональный специалист обещал молчать. Он, как и все региональные специалисты, отлично знал свое место и омрачать отдых столичных коллег лишними знаниями не хотел, чтобы они не вылились для него во многие печали. Хватило ему взгляда этого борова со смешной фамилией Наливайко на пленарном... Всю прогулку «утопленник» старался держаться ближе к дефицитной спасательной амуниции, и, как оказалось, не зря.

Теперь он слушал вой сирены, качался как поплавок на воде и, подгребая руками и ногами, старался определить, откуда идет звук, ведь там и должен был быть берег. Впрочем, плыть в ту сторону он не собирался. Стандарты спасения на водах предписывали ему оставаться в квадрате бедствия.

Неподалеку энергично гребли американские делегаты. Они кричали «утопленнику» и звали его к себе, но он делал вид, что не слышит. Школьного английского ему хватило, чтобы разобрать, что шлюпка дала течь, и делегаты были заняты вычерпыванием воды из нее.

Кому достались несколько других жилетов, региональный специалист не знал: когда раздался удар и теплоход накренился, он, не дожидаясь паники, прыгнул в воду первым. Борова Наливайко в это утро он не видел. «Да на него жилет бы и не налез», — мстительно подумал региональный специалист.

Он вспомнил директора столичного института и рыжую кудрявую бабу, которую до этого видел в гостинице. Спускаясь по лестнице, она покачивала бедрами, словно Мэрилин Монро, хранившая секрет своей походки в каблуках. Не повезло тем, кто оказался в каютах нижней палубы, в которые хлынула вода, вот где настоящий «Титаник»...

Почему-то никто не спешил им на помощь, как того требовала концепция золотого часа, о которой рассказывал боров Наливайко. Да и все известные специалисту по спасению на водах отечественные стандарты были попорчены. Американские делегаты, судя по доносившимся обрывкам фраз, были озабочены тем же.

Региональный специалист не знал, что капитан «Путевого» не стал его растраивать сообщением о неисправности судовой рации и отсутствии связи с берегом. Но Волга — не Атлантический океан, о бедствии сообщил проплывавший мимо сухогруз, и вот теперь завывшая вдалеке сирена внушала надежду на спасение, которое спустя два часа после катастрофы постепенно переставало быть делом рук самих утопающих. Ноги регионального специалиста уже одеревенели, да и делегаты, дрейфовавшие неподалеку, выбились из сил в борьбе с пребывающей в шлюпку прохладной водой.

Семену Кобылятникову в это время тоже было прохладно. Он стоял под кондиционером в обувном магазине и задумчиво покачивал на руке кожаную зеленую туфлю. Проще было бы дать жене деньги, но он помнил ее размер и теперь взвешивал не туфлю, а свою идею преподнести сюрприз. Не подойдут, сдаст по чеку. Зато как эффектно, это тебе не мятые тысячные в руки совать...

Завывшая сирена прервала его раздумья. Семен взял коробку с туфлями и двинулся к кассе. Тревожный звук нарастал и закручивался спиралью. В груди кольнуло: казалось, сирена убегала, но тут же возвращалась, чтобы погрозить пальцем ему, Семену. Но ему грозить было не за что! Вроде бы...

Все утро Семен хлопотал с дядей Ринатом. Тот явился на пристань на нетвердых ногах.

— Зато вовремя! — извиняющимся тоном сообщил он и дыхнул на Семена «фирменным ринатовским».

Семен хотел возмущенно спросить, когда тот успел так надраться, но ответ дяди Рината был очевиден: пока ты спал, сынок.

Хорошо, что свадьба укатила раньше и теперь пела и смеялась посреди реки, не видя, с какого бодуна водитель катера, который будет похищать невесту.

Семен заметался по берегу, но больше для очистки совести: найти нового рулевого за имевшиеся в распоряжении полчаса не представлялось возможным, и это было очевидно. Особенно если экономить...

— Ну, вы как? — схватил Семен дядю Рината за плечи и посмотрел в осоловевшие глаза.

— Никак, — честно ответил дядя Ринат. — Нормально!

Пираты-похитители топтались рядом и с опаской ждали, что работа сорвется, но дядя Ринат шагнул в пришвартованный у берега катер. Семен не возражал, потому что другого выхода не видел.

«Путевой» с врачами на борту отчалил еще раньше, к нему Семен подойти не успел. Впрочем, там все было гладко и согласовано еще с вечера. Хозяин посудины проникся важностью задачи и вывел на работу экипаж, хоть и врал сначала, что это невозможно.

«Я знаю точно, невозможное возможно», — пропел про себя Семен, когда дядя Ринат в ореоле брызг рванул от берега так, что два пирата едва не повалились на скамьи.

Курс похитители держали на Куйбышевское водохранилище, куда уже уплыл теплоход с молодоженами. Мимо «Путевого» дядя Ринат пролетел, даже не оглянувшись: Семен предупредил, что их «объект» будет украшен шариками.

Похищение невесты прошло в точности так, как было обещано в «Волжских просторах» и даже интереснее. Дядя Ринат выписывал невероятные кульбиты, розовая и довольная невеста визжала, разгоряченные к тому времени гости, конечно, вмешались, несмотря на сопротивление пиратов, прическа и другие легкоранимые аксессуары пострадали: маленькой собачке невесты, наряженной, как и хозяйка, в кружевную юбочку, отдавили лапу, на которой красовалась белая ажурная подвязка.

Различив в общем гомоне на свадебном теплоходе визг питомицы, невеста со скоростью хамелеона поменяла розовый цвет щек на багровый и вцепилась в дядю Рината, назначив его виновником кутерьмы.

Дядя Ринат держался, как мог и, хотя голова его гудела все сильнее, подтверждая свойства «фирменного ринатовского» — легко пьется, тяжело отходится, выполнил миссию до конца. Растрепанная как фурия невеста была ссажена с катера на теплоход и воссоединилась с любимой псиной и женихом.

Свадьба поплыла дальше по широким волжским просторам, а катер с похитителями рванул обратно. Навстречу ему степенно плыл другой теплоход, на свежеекрашенном боку которого в мягких лучах сентябрьского солнца можно было прочесть отчетливое «Путевой» и рядом, словно робкое сомнение, невесть откуда взявшееся — «ль».

Растянутых по совету Семена семи букв чуть-чуть не хватило на то, чтобы Николай Васильевич окончательно исчез с борта теплохода. Еще два—три слоя жидкой «школьной» краски скроет лишние буквы, когда «Путевой» вернется с неожиданно организованной поездки.

— Николашка, ты ль? — спросил дядя Ринат вслух незнамо у кого.

Его спутники завертели головами в поисках того, к кому обращался дядя Ринат. Но невидимого собеседника Николашки рядом не было, а их катер держал курс прямо на плывущий навстречу теплоход.

— Ты чего? — заорали в один голос похитители.

Дядя Ринат не стал объяснять им, что на «Николае Гоголе» проплавал пятнадцать лет и с него же был уволен за... ну, впрочем, не будем о грустном.

Сейчас он мчался навстречу старому другу, но теплоход был перекрашен и переименован, а потому дядя Ринат все не мог до конца признать: он или не он? Зоркий глаз бывшего старпома уловил подсказку — проступавшие сквозь слой краски две буквы прежнего названия, но глазам дядя Ринат в последнее время не доверял, особенно после «фирменной ринатовской». Он решил подплыть поближе и удостовериться, «Николашка» ли перед ним.

Зачем это было ему нужно, шесть месяцев пытались понять следователи, ведущие дело о столкновении катера с теплоходом «Николай Гоголь». Название «Путевой» до официальных бумаг так и не добралось: написать с государственной стройки краску быстрее, чем внести изменения в государственные документы. После того как получившее пробоину судно затонуло, его владелец поспешил замаять историю с переименованием, опасаясь однокоренных ассоциаций.

Больше всех шумели и волновались «Волжские просторы», на страницах которых были сделаны смелые предположения, что крушение на Волге — месть бывшего владельца Чичиковского, якобы вынужденного продать теплоход под давлением поделщиков. В конце концов, многотомный труд следователей увен-

чался короткой фразой «не справился с управлением», и еще одной катастрофой, в которой виноват человеческий фактор, стало больше.

Название агентства «Ульяновский сюрприз» долго склоняли зубоскалы, но Семен не мог им ответить, хотя свободного времени у него прибавилось настолько, что он даже мог завершить исследование исчезающих стрепетов — отряд журавлеобразных, подкласс новонебных. Он мог бы даже провести сравнительный анализ стрепетов с другими представителями журавлеобразных, населяющими отдаленные северные районы нашей родины, но Семену опять помешали. Отец несовершеннолетнего ребенка, оставшегося без матери, попал под амнистию.

Но все это было потом. А пока Семен вышел из обувного магазина, прижимая к груди коробку с зелеными туфлями, купленными на сэкономленные деньги, и остановился, слушая сирену.

Слушал сирену и Огюст Самуилович. Она выла, выла, и наконец он вспомнил то, что тревожило и ускользало от него! Вовсе не поездка на теплоходе, а концепция золотого получаса, благодаря которой он вчера так надрался.

Огюст Самуилович Наливайко задумался, а потом просиял: ведь это и есть тот самый инновационный подход, отвечающий вызовам современности, новое слово в лечении национально приоритетного больного.

Торжественно выла сирена, летели над Волгой вертолеты, на берегу как на параде выстроилась полиция и «скорые».

«Что-то произошло, — подумал Наливайко. — Впрочем, черт с ним». Что бы ни произошло, оно было прекрасно и как нельзя более кстати, ибо лучшего фона и подспорья для лихорадочно несущейся вперед мысли Огюста Самуиловича нельзя было и придумать.

Основные постулаты концепции золотого получаса рождались сами собой — по всей стране вдоль федеральных магистралей разворачивались вертолетные площадки, реанимобили доставляли в больницы пострадавших в авариях за полчаса, где их ждали койки, операционные и чуткий, вежливый персонал. Получалось чудо как хорошо. Надо бы записать, но бумаги под рукой не оказалось.

Огюст Самуилович хлебнул воды из графина, прошелся по номеру, заглянул в уборную. Прикрыл дверь, похмыкал, вернулся к столу. Тисненные на туалетной бумаге цветочки не подходили к важности момента. Он подосадовал, но, прислушавшись к сирене, вновь посветлел лицом. Положил перед собой рулон, отмотал от него побольше и озаглавил: «Концепция золотого получаса в условиях Российской Федерации».